

Сюй Сицзин не позвал его, лишь стиснув зубы от пронзительной боли, перевернулся на другой бок, повернувшись к Цинь Цзэюаню спиной. Тот, услышав шорох, понял, что тот очнулся, но не обернулся:

— Сегодня я собирался отвезти тебя в город Б, но погода испортилась, рейсы отменили. Останемся здесь. Побудь тут один, хорошенько подумай.

Сюй Сицзин тогда ещё не понял, что значит «побудь тут один». Голова раскалывалась, из-за разрыва началось воспаление, поднялась температура, но Цинь Цзэюань не вызвал врача и не дал лекарств. Лишь когда Сюй Сицзин провёл в бреду два дня и сознание начало мутиться, он осознал: «побудь тут один» на самом деле означало «выживай как знаешь».

«Живуч», как когда-то, много лет назад, во время наводнения, — это качество вновь подтвердилось. После двух дней лихорадки к нему наконец-то кто-то пришёл.

Чжоу Фань.

Чжоу Фань выглядел так же, как всегда — ни подобострастным, ни дерзким. Он придвинул стул к кровати, сел и с лёгкой улыбкой принялся разглядывать Сюй Сицзина. Тому не хватило сил даже встретиться с ним взглядом, он просто отвернулся и закрыл глаза.

Чжоу Фань смотрел на него довольно долго, словно удовлетворившись увиденным, и наконец произнёс:

— Жалко тебя.

Сюй Сицзин не удостоил его ответом. Чжоу Фань начал говорить, обращаясь скорее к самому себе:

— Думал, такой, как ты, никогда в жизни не окажется в столь жалком и унижительном положении. Знаешь, когда я впервые тебя увидел? Компания набирала ассистентов. Мы выстроились в ряд в комнате, а вы с бумажками в руках ходили и выбирали, прямо как на базаре в моей деревне скотину выбирают. Приглянулся — забирай, нет — проваливай.

Чжоу Фань сменил позу и продолжил:

— Тогда меня выбрала Карен. Я был так благодарен! Это была лучшая работа, какую я мог найти в городе Б: бегать по мероприятиям за артистом — и уже есть где поесть, на еде в месяц экономлю. Карен была вредная, требовательная, но я терпел. А потом, однажды, вам рекламу снимать надо было, актёр-то подвёл. Фотограф меня заметил, велел переодеться, снимок сделать.

— Я впервые в жизни такую хорошую одежду надел, впервые по-настоящему, профессиональному снимался. Понимаешь? — Чжоу Фань вдруг приблизил лицо к Сюй Сицзину. Тот, конечно, не ответил, но Чжоу Фань и не нуждался в ответе. Он продолжал перебирать свои горькие воспоминания.

— После съёмки фотограф похвалил меня, сказал, есть способности, понимаю я. Из-за этих слов Карен аж взбеленилась, с тех пор и рядом меня видеть не хотела. Скоро она и ассистента себе нового нашла. А я остался без дела, на самом краю, вот-вот без работы останусь. А ты знаешь, каково это — без работы, голодным сидеть? А потом, однажды, я ту рекламу готовую увидел. Оказалось, я там просто фоном был, декорацией. Вы подошли — и раз! — сорвали её. Смешно, правда? Из-за декорации, которая и секунды в кадре не была, меня работу лишили.

Мозг Сюй Сицзина кипел от жара, он совершенно не помнил, о какой рекламе идёт речь. У группы почти каждый месяц была новая рекламная съёмка, плюс промо-акции, продвижение приложений — всё в памяти слилось в одно пятно. Не думал он, что из-за одной такой съёмки Чжоу Фань чуть не лишился всего. Теперь понятно, почему тот до сих пор затаил обиду.

Но сейчас Чжоу Фань выглядел уверенным и самодовольным. Сочувствовать ему Сюй Сицзин вряд ли мог — куда уж там, сам-то он был в куда более плачевном состоянии.

Чжоу Фань странно хихикнул:

— Я раньше всё думал: чем вы лучше меня? Откуда такая пропасть между людьми? А потом понял: для господина мы все одинаковы. Все просто любовники. Кто ловчее — тот его и удержит.

Он наклонился так близко, что Сюй Сицзин волей-неволей должен был слушать:

— Но только к тебе он по-особенному относится. Я-то думал, какие же у тебя козыри в рукаве, столько сил потратил, чтобы выяснить. А оказалось, ты просто приёмный ребёнок. Чем ты лучше меня? Просто удачливее. А сам-то тупой, даже не понимаешь этого, и всё господина злишь. Интересно, если бы ты был не молодым господином, а обычным любовничком, позволил бы ты себе такую наглость?

Наглость? Сюй Сицзин никогда не считал себя наглым. Возможно... да, возможно, он и вправду был слишком глуп, чтобы понять очевидное. Бросать вызов Цинь Цзэюаню — какая глупость.

Дверь снова открылась. Чжоу Фань поспешно вскочил и, съёжившись, отступил в сторону. Вошёл Цинь Цзэюань. Он нахмурился, увидев Чжоу Фаня:

— Ты зачем здесь?

Чжоу Фань опустил глаза, лицо его выражало напряжение и подобострастие:

— Я... я пришёл проведать молодого господина... Хотя он и сказал, что я больше не его ассистент, но я всё равно волнуюсь. Господин, вызовите, пожалуйста, доктора. Молодой господин так сгорит же... У меня младший братик так же, высокой температурой мучился, не спасли, даже года не было...

Чжоу Фань, казалось, был смертельно напуган, а может, и вправду так переживал за Сюй Сицзина, что слова срывались. Он прикрыл рот рукой, на глазах выступили слёзы. Цинь Цзэюань посмотрел на него:

— Кто тебе ключ дал?

Чжоу Фань заёрзал, не отвечая. Цинь Цзэюань рявкнул:

— Говори!

Чжоу Фань, дрожа, сознался:

— Я... я служащего попросил открыть... Господин, я просто проведать хотел, очень волновался...

Цинь Цзэюань уставился на бескровное лицо Сюй Сицзина, затем бросил:

— Вали отсюда.

Чжоу Фань был куда смышленнее Сюй Сицзина. Видя, что Цинь Цзэюань в крайне скверном расположении духа, он немедленно и беззвучно исчез. Цинь Цзэюань постоял у кровати, глядя на Сюй Сицзина. Тот чувствовал себя ужасно, только что слушал воспоминания Чжоу Фаня, собрав последние силы, а теперь даже открыть глаза не мог.

С точки зрения Цинь Цзэюана, Сюй Сицзин, сжавшийся под одеялом, с едва заметным дыханием, выглядел куда мягче и беззащитнее, чем обычно, когда он был колючим и несговорчивым.

Сюй Сицзин всегда ему перечил. Цинь Цзэюань знал, что тот до сих пор таит злобу за то, что несколько лет назад он грубо сделал его одним из своих любовников. Цинь Цзэюань всегда чувствовал, что с Сюй Сицзином сложно. Стоило ему попытаться обойтись с ним, как с обычным любовником, тот пугался и замыкался. Попробуй его обласкать, приласкать — тут же вылезал скверный характер, и Цинь Цзэюань готов был лезть на стену.

Но мог ли он отпустить Сюй Сицзина? Конечно, нет. Он вырастил его своими руками, видел, как тот из маленького сопляка превратился в такого. Видел, как из робкого и запуганного Сюй Сицзин стал ершистым и дерзким. Не получается — переделаем, не переделывается — заставим. Как он может его отпустить?

Неизвестно, сколько Цинь Цзэюань простоял так, но в дверь снова позвонили. Это был Лао Сун, он привёл доктора. Врача нашли здесь же, неподалёку, в курортной зоне крупных больниц не было, только маленькая клиника, пришлось довольствоваться тем, что есть.

Лао Сун не видел Сюй Сицзина несколько дней, а по лицу Цинь Цзэюана понял, что дела плохи. Поэтому, когда Цинь Цзэюань велел привести врача, у него в душе похолодело. Теперь, войдя в комнату и увидев Сюй Сицзина, он едва сдержал слёзы.

Доктор дотронулся до лба Сюй Сицзина и тут же отдернул руку. Он посмотрел на Лао Суна, потом на Цинь Цзэюана:

— Температура очень высокая. Нужно в больницу.

Цинь Цзэюань не дрогнул:

— Сначала измерьте температуру.

Доктору пришлось подчиниться. Термометр показал 38.8. Лао Сун, видя, что Цинь Цзэюань не торопится с решением, забеспокоился:

— Господин, здесь поблизости больниц-то и нет, одна маленькая клиника. Если сейчас же не отвезти его в крупную больницу, можем опоздать!

Цинь Цзэюань кивнул и повернулся к врачу:

— Какая здесь лучшая больница?

Доктор ещё не успел ответить, как Сюй Сицзин, с невероятным усилием приподнявшись, прохрипел:

— Не надо... в больницу... — Горло пересохло от жара, голос был хриплым, будто наждаком

прошлись. На это ушли все силы, следующие слова были едва слышным выдохом:

— Нельзя... чтобы кто-то увидел...

Цинь Цзэюаня осенило. Он вспомнил о следах от веревок и разрыве. Тогда он смягчился, наклонился, чтобы уложить Сюй Сицзина:

— Так куда же тебя везти?

Сюй Сицзин, даже находясь в таком состоянии, из последних сил уклонился от его руки:

— Домой...

<http://bllate.org/book/16267/1463751>